

ТРИ РАССКАЗА О ЖИЗНИ, СМЕРТИ И ЛЮБВИ

Сергей ВАРАКСИН
г. Петрозаводск

БОЛЬШАЯ ПОЭЗИЯ

Рассказ

*Поэзия темна, в словах невыразима.
(И. Бунин)*

*О, знал бы я, что так бывает.
(Б. Пастернак)*

«Вот и осень опять...» — думал, глядя в окно с четвертого этажа, одинокий пенсионер Олег Николаевич. Он смотрел, как холодный ветер играет на асфальте с бумажкой, которая никак не может перебраться через бордюр. Бу-

мажка готовилась, как прыгун перед стартом, — переминалась на месте туда-сюда, потом с разбегу ударялась о камень и снова откатывалась назад.

Олег Николаевич включил чайник, заглянул зачем-то в почту на «Яндексе», хотя ему уже сто лет никто не писал, и опять посмотрел в окно. Бумажка продолжала биться о стену.

— Прямо как я... — сказал Олег Николаевич. Он подумал вдруг как-то сразу обо всём: и что карьера его, как вот эта бумажка, не

взлетела, да и с семьёй, в принципе, не сложилось...

Он вспомнил, как много лет назад поехал с женой в Финляндию. Они тогда ещё жили в Питере, и все знакомые вдруг стали спрашивать: «Вы уже были в Финке? Нет? Да вы что! Обязательно съездите, там очень красиво!» И они съездили. Зачем-то купили там в кирпичнике маленький театральный бинокль, который теперь лежал у окна на кухне Олега Николаевича. А сам Олег Николаевич неожиданно написал стихи. Вернее, не стихи, а только начало одного стихотворения, которое просто всё целиком пришло ему в голову.

Он и сейчас мог бы наизусть прочитать его:

*За сараями на солнце пара финнов
Мажут лыжи белым парафином.
Палки в рукавицах крепко сжали,
По сугробам быстро побежали.*

Олег Николаевич никому ничего не сказал. Как-никак тренер по боксу — засмеют. Но помнил, что разволновался он тогда, как ребёнок, что-то возвышенное и незнакомое вдруг пробудилось в нем и не давало покоя. Он мог проснуться посреди ночи и что-то строчить в специально купленном для таких «приступов» блокноте. Но всё было напрасно, наутро, как правило, всё оказывалось не стоящей вниманья чепухой. Таким образом, за несколько лет мучений стихотворение подросло на несколько строчек и в конечном итоге выглядело так.

*За сараями на солнце пара финнов
Мажут лыжи белым парафином.
Палки в рукавицах крепко сжали,
По сугробам быстро побежали.
Побежали-полетели, словно птицы.
А на шапках хохолки, как у синицы.
На ногах у них цветные гетры,
И несутся всё быстрее — быстрее ветра.
Не догнать нам никогда вот этих финнов,
Добрых жителей болот, лесов, заливов.
Не видать нам никогда таких игрушек,
Что полным-полно у них в избушках,
Ведь они едят на завтрак шпроты в масле,
Нам мечтать о них и то опасно.*

*И машины заправляют не бензином,
А прекрасным чистым керосином.
А какие у них ровные дороги!
А у нас похожие на роги...*

Эти непонятно откуда взявшиеся «роги» стали последней каплей. Они свели к нулю весь энтузиазм Олега Николаевича и окончательно подорвали его веру в себя. Больше он ничего не сочинял, хотя мыслями не раз возвращался к этому происшествию или «временному помешательству», как это он определил для себя.

А месяца три назад, в начале лета, с Олегом Николаевичем случилась другая, какая-то совершенно дикая история. К нему вот-вот должен был зайти плиточник, которого порекомендовал сосед по площадке. Бахтиёр — так звали мастера — позвонил и сообщил, что задерживается.

Олег Николаевич посмотрел на часы и решил, что успеет ещё сходить в магазин. Квартира у Олега Николаевича на улице Ирины Левченко, это рядом с метро «Октябрьское поле». Он спустился на лифте с четвертого этажа, привычно перешёл через двор, свернул за угол дома и спустился в подвал. Вот тут, у входа в эту «Пятёрочку», всё и началось. Прямо в дверях с ним столкнулся какой-то взъерошенный мужичок с тетрадкой в руке. Олег Николаевич механически произнёс:

— Извините...

На что тот вдруг тихо и злобно сказал:

— Ты сегодня умрёшь! — и побежал по ступенькам вверх.

Олег Николаевич словно оцепенел. А сумасшедший повернулся к нему и теперь уже с безопасного расстояния громко повторил:

— Ты сегодня умрёшь! — после чего взмахнул тетрадкой, прямо как Ленин с трибуны, и скрылся в кустах за детской площадкой.

Домой Олег Николаевич вернулся в совершенно «разобранном» состоянии. Мастер Бахтиёр ничем не помог. Сосед, который посоветовал Бахтиёра Олегу Николаевичу, охарактеризовал его так: «Бахтиёр — парень хороший, немножко с придурью, — сказал он, — но плитку кладёт как бог!»

Всё так и было. Бахтиёр мог просидеть за кружкой чая часа полтора, потом сказать: «Чай хороший», — и уйти, не попрощавшись с хозяином.

«Странный человек», — думал Олег Николаевич. За всё время общения он смог выудить из Бахтиёра совсем немного: патент есть, жена есть, корова есть...

«Где?!» — удивлялся Олег Николаевич.

«В Таджикистане, — уточнял Бахтиёр и добавлял: — Плитка хороший».

Вот и теперь в ответ на сумбурный рассказ Олега Николаевича он только покачал головой и сказал: «Нехороший человек, шайтан!» — и ушёл класть плитку.

А Олег Николаевич весь оставшийся день просидел на кухне, уставившись на часы. Ноги уже не держали его, сердце то останавливалось, то несло вперёд мелкой рысью. Дождавшись полуночи и осознав, что попался на глупый розыгрыш, Олег Николаевич рухнул в кровать и, не раздеваясь, уснул. Всю ночь ему снилось, что хочется в туалет, но, как только он пытался пристроиться где-нибудь за углом, так сразу откуда-то появлялись люди, кричали: «Умрёшь!» И он снова пытался найти какое-то укрытие, а как только находил, всё опять повторялось до бесконечности. Крутясь по кровати, он смял простыню в толстый жгут и только тогда проснулся, злой и решительный.

Недели две Олег Николаевич специально, без всякой надобности, бегал в «Пятёрочку» по нескольку раз в день в надежде поймать напугавшего его идиота. Прочесав все дворы до Октябрьского поля, он устал, а потом и совсем успокоился и уже сам стал винить себя в том, что чуть не потерял голову из-за такой ерунды. Так прошло лето.

И вот теперь, когда уже совсем забыл Олег Николаевич про этот нелепый случай, он неожиданно снова столкнулся с обидчиком на выходе из подвала всё той же «Пятёрочки».

— Ты сегодня умрёшь! — подлетел к нему старый знакомый и тут же бросился из магазина по лестнице, узнав в Олеге Николаевиче свою бывшую жертву.

Олег Николаевич догнал шутника уже наверху и, когда тот обернулся, врезал ему пря-

мой в челюсть. Сумасшедший взмахнул руками и рухнул головой в разросшиеся почти в человеческий рост кусты. Олег Николаевич попытался вытащить его за ноги на асфальт, но тут кто-то завизжал:

— Убивают!!!

Сзади насели, заломили за спину руки. Кто-то кричал:

— Полицию надо вызывать!

— Какую полицию? Скорую вызывайте! — орала рядом.

— ...Четвертый случай за месяц, — сказал полицейский лейтенант, записывая данные Олега Николаевича куда-то в свои бумаги. — Хорошо, что на вас нарвался, а то какую-нибудь старушку мог бы и до смерти напугать.

— Он что, сумасшедший? — поинтересовался Олег Николаевич.

— Ну, вскрытие покажет... — пошутил лейтенант. — Но идиот — точно. Говорит, вдохновение у него пропало. Ловил адреналин, так сказать. Обещал, что больше не будет... Тетрадку, кстати, его не видели? Говорит, тетрадь у него пропала, в которую он стишки записывал.

— Его теперь посадят? — ловко сменил тему Олег Николаевич.

— Ну... — поразился неосведомленности Олега Николаевича лейтенант. — Старушка-то жива... — он рассмеялся. — Максимум — пятнадцать суток за мелкое хулиганство.

Тетрадь была исписана до половины. Олег Николаевич подобрал её в кустах, куда упал сумасшедший поэт после нокаутирующего удара. На обложке крупными буквами было написано «DARK POETRY», а вверху страничек стояли какие-то цифры с буквами, типа «28м», которые Олег Николаевич сначала не смог расшифровать, потом догадался — число и месяц. Стихи были разные, не очень похожие друг на друга, как будто бы их писал не один человек.

«Сразу видно, что не в себе», — решил Олег Николаевич, к которому опять вернулось то возвышенное, что не давало покоя раньше.

«Аквариумный мир. Мы за стеклом. Нам не дано предугадать ни строчки...», «Вот если на кусочки разорвать какой-нибудь закат, потом

собрать, как пазл, и наблюдать...» — листал он страницу за страницей. — «Нас тьмы и тьмы и вышли мы из тьмы. На свет, как бабочки, как мотыльки дурные, летим, торопимся — на свете смерти нет!..», «Холодная, серая, скользкая, гладкая память. Кирпичная, гадкая, старая, ржавая муть...» — бродил Олег Николаевич с тетрадкой в руках по квартире, как лунатик.

Стихотворения, которые ему очень нравились, он зачитывал приглашённому на чай Бахтиёру:

*Арбузный сок течёт по синим веткам,
Плывёт туман по розовым холмам,
И где-то в церкви к потолку струится
Густой, как мёд, пахучий фимиам.*

*Он оседает липкой позолотой,
И вот уже совсем не видно дно,
А в это время на другой планете
В бокалы льётся терпкое вино,*

*Стекает в банку жёлтый сок паучий,
Над головой курится сладкий дым,
И кажется, что этот яд летучий
Доступен только самым молодым...*

*Что это было? На стекле морозном
Скребл'ы выводит вечная игла,
И проступает сквозь узоры грозно:
Что ваша Буримэ? — Игра!*

— Чушь какой-то... — говорил Бахтиёр и уходил класть плитку.

Одно стихотворение Олегу Николаевичу категорически не понравилось, но вызывало какое-то странное волнение:

*Город, ветер, метель. Снова одной домой.
Рано ещё. Или поздно уже. Холодно. Стой, вой.
Стон полетит над Невой. Сумерки. Лезь в грязь.
Юность, друзья, всё было зря? Мразь...*

*Тёмная вода — чёрная дыра. Дует.
Вверх, вниз, страх, трях. Это судьба, дура.
Всё было, раз — нет ничего. Инь, янь.
Мокрый асфальт, ноги скользят. Дрянь, дрянь!*

Чёрная труба красит облака белым.

Голая река греет берега телом.

В парках и садах птицы говорят: Гад! Гад!

Город над Невой, город мой родной,

город Ленинград...

Он возвращался к нему несколько раз. Вспомнил себя в тёмном, холодном осеннем Питере во время последней ссоры с женой. «Он что, их мысли читает?!» — поразился Олег Николаевич. И уже совсем с другим чувством пересмотрел все стихи, пытаясь угадать, кто попался на розыгрыш автора.

«Да не умрешь ты никогда! — сказала мне жена. С тех пор живу уже сто лет и буду жить всегда...» — читал Олег Николаевич, посмеиваясь, представляя человека, которому досталась всего одна эта строчка.

«Кричат в полях грачи пугливые, злой ветер в кронах сосен бесится. Живём с тобой всего два месяца, — а мне уж хочется повеситься...» — примерял на себя ситуацию Олег Николаевич, удивляясь способности сумасшедшего поэта вытаскивать из человека такие подробности.

— А ведь где-то здесь и я! — щёлкнуло в голове Олега Николаевича. Он быстро перелистал тетрадь. Первое нападение было в июне. В июне было всего одно стихотворение, и оно показалось Олегу Николаевичу подозрительно личным:

*Как бьётся муха о стекло, так бился я о слог,
Но почему нельзя в окно, —
никак понять не мог.*

*Так трётся о скалу волна,
пытаясь рассказать
О том, что знает — берегам,
но им — не разгадать.*

*В колодце плавает луна — попробуй зачерпни.
В таких бессмысленных трудах
проходят дни мои...*

— Вот сволочь! — и обиделся, и позавидовал одновременно автору Олег Николаевич. Творческое начало опять проснулось в нём,

оно бурлило и требовало каких-то действий. Надо было срочно что-то предпринять, иначе мозг Олега Николаевича взорвался бы изнутри от переизбытка какой-то непонятной, но явно тёмной энергии.

На дело он решил пойти утром, когда у «Пятёрочки» практически никого ещё не было. Он простоял у входа часа полтора в нерешительности. Наконец выбрал жертву. Бабушка в мохнатом чёрном пальто тяжело поднялась по лестнице из подвала. Под вывеской она постояла, восстанавливая дыхание. Олег Николаевич подскочил к ней с покрасневшим от ужаса лицом, выпалил:

— Ты сегодня умрёшь! — и отбежал тут же назад, пригибаясь, как будто украл что-то.

«А мог бы старушку до смерти напугать», — вспомнил он слова участкового, почти добравшись уже до своего подъезда.

Ругая себя, побежал назад, представляя лежачую перед входом в «Пятёрочку» бабульку. Старушка стояла на том же месте, где он её и оставил.

— Тройка, семёрка, туз, — сказала она так тихо, что запыхавшийся Олег Николаевич её не услышал. В голове у него уже рождалась настоящая, большая поэзия.

В лифте Олег Николаевич пританцовывал от нетерпения. Дома открыл тетрадь на последней странице и написал:

*Человек попал в больницу:
Слева — лица, справа — лица...
Санитарки-проводницы
Подметают чистый пол...*

*По ночам ему не спится.
По утрам не нужно бриться.
Дней стираются границы
Серым телом плотных штор...*

*Может, это просто снится?
Блок на тумбочке пылится.
Недочитаны страницы,
Не закончен старый спор...*

*Тень ложится на ресницы.
На крыльечке скачет птица,
Желтопузая синица.
Скачет, плачет до сих пор...*

В страшном волнении он несколько раз перечитал сочинённые им стихи, пытаясь понять смысл написанного. Вспомнил печальный, какой-то затравленный взгляд обиженной им старушки, и горячая волна стыда окатила Олега Николаевича.

Постояв у окна в полнейшем ступоре, он включил чайник, заглянул зачем-то в почту на «Яндексе», хотя ему уже сто лет никто не писал, потом стал один за другим выдирать из тетради страницы и выбрасывать в форточку. Холодный осенний ветер подхватывал каждый новый бумажный лист и уносил куда-то вверх, в небо, выше самых больших соседних домов. Олегу Николаевичу даже почудилось, что странички выстраиваются там в какие-то слова. Он схватил лежавший на подоконнике бинокль и поднёс к глазам. — «ПоХорОНЫ пЯтНиЦу тРи ЧаСа дНя ПрИеЗжАЙ» — запрыгали нервно на небе буквы.

Бинокль выпал из рук. Олег Николаевич покачнулся и повалился назад, цепляясь за стулья.

«Старуха!» — успел он подумать.

Шторы в палате, где лежал Олег Николаевич, были задернуты, но Олег Николаевич не спал. Бахтиёр придвинул стул поближе к кровати. Он хотел сказать что-то ободряющее, но Олег Николаевич вдруг беспомощно зашевелился и протянул руку к тумбочке.

— Книга... — сказал он, страдальчески морщась.

— А — А. Блок. Ски-фы, — прочитал по слогам Бахтиёр и подал книгу Олегу Николаевичу.

— Убери... убери... — зашептал Олег Николаевич и замахал на него руками.

— Такой хороший человек... — качал головой Бахтиёр, выходя из больницы. — Столько плитка купил, а стихи совсем с ума сошёл...

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

— ...Каждая картина наполнена яркими переживаниями, искренним желанием поделиться своим внутренним миром, в котором так много света. Эта долгожданная выставка — большое и важное событие для автора. Давайте поддержим его и пожелаем, как у нас, художников, говорят... побольше красного! Ведь красный — это любовь, огонь, страсть. — Степанов поднял руку вверх, как будто хотел схватить что-то. — И главное — крупными, жирными мазками! — нашёл он нужные слова и даже помахал кулаком в воздухе. — Это то, что необходимо сейчас стране! Сами знаете, какая обстановка вокруг... Ещё раз поздравляю вас с открытием выставки! Бесконечного вдохновения и творческих удач вам! — Степанов закончил и под аплодисменты спустился с подиума.

— Николай... Коля! — услышал, пробираясь через плотную толпу к выходу.

«Чёрт...» — ругнулся он про себя, увидев знакомое лицо вцепившейся в его рукав женщины.

* * *

Это началось год назад. Степанов всё помнил в подробностях. Сидел в кафе возле дома. В соседнем зале шумела свадьба. Кто-то постоянно входил-выходил, раздвигая перед собой плотные лилового цвета шторы. Степанов вошёл вместе с кем-то в банкетный зал и сел за стол на свободное место. Оглядевшись, он налил себе водки, взял вилку и постучал ей о край тарелки. Все замолчали. Степанов встал.

— Ребята! — зашёл он издали. — Вам уже сказали, насколько важен для вас сегодняшний день. Я же хочу пожелать вам не просто быть парой. А вы очень красивая пара! — Он сделал паузу. Подождал, пока все похлопают и покричат: «Да! Очень!» — И продолжал: — Я хочу от всего сердца пожелать вам стать Семейей

с большой буквы. Чтобы в любой жизненной ситуации вы не забывали об этом. Радуйтесь, веселитесь, решайте насущные вопросы, главное — поддерживайте друг друга! Как говорят у нас, у альпинистов, «держитесь за руки, друзья, чтоб не упасть поодиночке!» — Он опять подождал, пока отсмеются. — Ну, и детей побольше! Как же без этого! Сами знаете, какая демографическая обстановка сейчас. В общем, за дружбу, за любовь, за детей! За вот это вот всё!

Все закричали: «Ура! Ура! Горько!!!»

Степанов постоял, пока считали до десяти, сел, когда молодые закончили целоваться. Налил себе ещё водки.

— Кто это? Кто это? — стали перешёптываться вокруг.

Степанов выпил. Достал сигарету из пачки.

— Пойду покурю, — кивнул соседу, не сводившему с него глаз, и вышел из зала. Адреналин зашкаливал у него в крови.

Всё случилось как будто не по его воле. Спонтанно. Он словно прыгнул с берега в холодную воду и вынырнул совсем другим человеком. Степанов ещё долго переживал этот момент. Крутил его так и так. Хотелось ещё провернуть что-то похожее. Он был возбуждён, восхищён собой. Он почувствовал свою значимость. Как бы ни банально это звучало, но радость жизни снова вернулась к нему.

Потом он ещё несколько раз проделывал такой трюк. И, как наркоман, уже не мог без этого адреналина. Он с удивлением заметил, что людям можно нести любую чушь, главное — делать это уверенно. Тогда эта чушь воспринимается как что-то обычное, не выпадающее из привычной нормы.

— ...Кто-то ещё хочет сказать? — спрашивал распорядитель похорон на кладбище.

И Степанов выходил вперёд.

— Здравствуйте, все собравшиеся проводить в последний путь дорогого и для меня человека, который всегда поддерживал в трудные моменты моей жизни... Представляете, просто на улице подошёл: «Рыбак рыбака видит издалека!» — говорит. И пошло-поехало: блёсны, крючки, полавки, подкормка... Всё, что я знаю, всем обязан ему. Светлая память. — Степанов перекрестился, хотя в церковь не ходил и крещёным не был. — Земля ему пугом!

Говорил он примерно одно и то же, лишь слегка импровизируя в конце, в зависимости от ситуации. Каждый раз представляя себя другим, он как бы влезал в чужую, незнакомую ему жизнь, шекоча нервы и чувствуя себя канатоходцем, идущим по проволоке без страховки.

Сам-то Степанов жил жизнью простой, незаметной. После срочной остался учиться на прапорщика, а когда в сорок пять вышел на пенсию, устроился охранником в ЧОП. Жена детей не хотела, сказала, ты и меня-то не можешь прокормить. А потом и вообще подала на развод, оставив Степанову однушку в панельном доме да шесть соток на озере.

В общем, жизнь протекала размеренно-скучно и грозила уже подойти к такому финалу, что «словно и не жил», — он смело мог повторить вслед за Фирсом из пьесы Чехова.

И вот теперь, когда судьба дала ему шанс наверстать упущенное, Степанов спешил и искал всё новые и новые способы примерить чужую роль на себя. Особенно ему удавались вылазки в какой-нибудь из соседних маленьких городков. Тут Степанов мог развернуться на всю катушку.

Останавливался в центре, у входа в какой-нибудь магазин, раскладывал карту на капоте машины и долго внимательно осматривался вокруг. Дождавшись парочки любопытных граждан, он начинал.

— Сносить к чёрту тут будем всё! — резко махал рукой, как бы сметая всю улицу сразу.

— Что — всё? — испуганно спрашивал кто-то.

— Вот эти три дома и эти два, — Степанов указывал пальцем.

— А где мы жить будем?! Озверели совсем! — кричала какая-то баба.

— Все вопросы — к мэрии, — строго отвечал ей Степанов. — Обстановка международная сами знаете какая сейчас...

— А вы кто вообще? — подходил здоровый мужик, подозрительно разглядывая Степанова.

— Я? — как будто удивлялся вопросу Степанов. — Я начальник КЭЧ-47! — лихо врал он, грозно поправляя строительную каску на голове. Импровизировал: — Дивизию сюда переводим из Краснодара! Здесь пушки поставим, — махнул рукой куда-то позади себя. — Отсель грозить мы будем шведам! — весело добавлял, оглядываясь на уже собравшуюся вокруг него небольшую толпу. — Достали они вот так, — проводил ладонью по горлу. — Вот так достали! — Увидев появившегося на крыльце полицейского в форме, Степанов быстро складывал карту и лез в машину. — Я сейчас — в мэрию! — кричал в толпу, перебивая шум двигателя. — Будем сносить! Будем сносить к чёрту всё!

Возвращался домой поздно. Ставил в тетрадь ещё одну галочку и, довольный, ложился спать.

* * *

Сейчас впервые его схватили за руку, как будто попавшегося на воровстве наркомана.

— Коля, постой, это же ты? — заглядывала ему в лицо некрасивая женщина. — Я Нина, твоя одноклассница. Помнишь меня?

— Да помню я, Нина, помню — недовольно сказал Степанов, продолжая про себя чертыхаться. — Ты что здесь делаешь?

— Да я почти на все выставки хожу, — объяснила, краснея. — Ничего на понимаю, стою, смотрю как дура! — расхохоталась она, прикрыв ладошкой не очень ровные зубы.

«Действительно, дура», — подумал Степанов. Она ведь и в школе такой была. Маленькая, застенчивая и нелепая. С ней даже и не дружил-то никто.

— Ты тоже художник?! — спросила она, с восторгом осматривая Степанова.

— Ну, в каком-то смысле... Я вообще-то писатель. Пишу про заек, — отшутился Степанов, уже автоматически прокручивая в голове новый розыгрыш.

— Ты где-то печатаешься?

— Пока только в стол, — почти не соврал Степанов. — Стесняюсь. Боюсь нарваться на критику. Обстановка сейчас, сама знаешь...

— Дашь почитать? Я критиковать не буду, клянусь! — она по-пионерски приложила руку ко лбу.

— Давай телефон, позвоню тебе завтра. — План полностью созрел у него в голове.

Дома Степанов взял стопку листов, вывел на первом крупно — КАВКАЗ и дальше: «Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею...» — переписал от руки весь рассказ.

На следующий день они встретились с Ниной.

— Это рукопись, — сказал он ей важно. — Не потеряй и никому не показывай. Слышишь? Никому.

И началось сумасшествие.

— Коля, я ревела всю ночь. Ты удивительный, тонко чувствующий человек! — кричала в трубке взволнованно Нина. — Ты гений!

Степанов довольно посмеивался:

— Не преувеличивай, Нина.

Ещё через день:

— Коля, я не могу с этим жить одна. Можно я дам почитать твой рассказ маме?

Степанов сердился:

— Ни в коем случае! Я же просил тебя!

Через неделю Нина потребовала немедленной встречи. Хотела сообщить что-то важное — не по телефону!

— Колечка, миленький, прости-прости, — она чуть не грохнулась на колени, Степанов её поднял. — Я отправила твой рассказ в журнал. Это должно быть для всех. Мир должен знать о тебе! — билась она в истерике, пытаясь сомкнуть свои руки на шее Степанова.

— Сука! — выругался побагровевший от злости Степанов, отцепляя её от себя. — Да пошла ты! Идиотка! Дура необразованная!

Месяц сидел на даче. Пил водку. Бродил зачем-то с ружьём по берегу. Ночами почти не спал, разговаривал сам с собой. Смотрел на звёзды. Думал: а вдруг он есть, этот бог? И сразу начинал оправдываться, что он-то, Степанов, не такой уж плохой человек. И никому никакого особенного зла не делал... И тут опять вспоминал: Нина!

«Какая же ты сволочь, Степанов», — ругал сам себя.

Несколько раз хотел позвонить, но откладывал. «Жениться на ней, что ли? — приходила шальная мысль в голову. — Ну и что, что некрасивая? Красивая уже была у него. И что с той красоты?»

«Надо позвонить», — опять думал Степанов. Нервничал. Брал гитару. Пел что-то вроде: «У ней такая маленькая грудь, а губы, губы алые, как маки...»

Решился каким-то утром. Чужой голос ответил:

— Да, кто это?

— Нину позовите, — сказал Степанов.

В трубке долго молчали. Потом охрипший голос сказал:

— Нина повесилась...

Он вышел на крыльцо, закурил. Остатки ту-мана ещё стояли над озером. Лёгкий ветер едва шевелил листву. Было сыро. Степанов поёжился. Сходил в дом, оделся и вышел уже с ружьём. Сел на ступеньки. Ещё покурил.

«И выстрелил себе в виски из двух револьверов», — вспомнил, доставая патрон из кармана армейской куртки.

В СЕНТЯБРЕ УЖЕ ХОЛОДНО

Рассказ

*Павлик Фарятьев. Правда, звучная фамилия?
И Шурочке пойдёт.
(Из «Фантазии Фарятьева»)*

Поезд плавно замедлил ход и, поскрипев немного железом, затих, остановился. Стало слышно, как в соседнем купе тоненький голос старательно выводил: «Лу, марсианин, в троечке мчится. Вдоль по дороженьке снег се-ребрится...»

Семёнов рассмеялся, позавидовав богатому детскому воображению, отложил книжку и посмотрел в окно. Станция «Чупа». Когда-то поэт Шкляревский написал: «Скорый «Арктика» стоит в Чупе одну минуту, напоминая жителям залива о незначительности их существования».

Семёнов слышал, что где-то здесь появился на свет и писатель Венедикт Ерофеев, автор знаменитой поэмы «Москва — Петушки».

Своё детство Семёнов помнил смутно, вернее, воспоминания были отрывочны и больше походили на картинки, не связанные друг с другом, как отдельные бусины с разорванной нитки.

Холодное утро... Из постели — к огромной печке... Прилипнуть плотнее, раскинув руки... За окном темно... В школу: «хрум-хрум» — давим снег валенками...

Помнил, что влюблялся в учительниц. Сначала — в учительницу пения. Семёнов видел её полуголой на пляже в Геническе. Она была пионервожатой, а он, естественно, пионером. Потом он ночью не спал, мечтал жениться на ней, когда вырастет. На уроках громче всех орал: «У дороги чибис! У дороги чибис!» — хотел, чтобы она заметила. Но что-то пошло не так. Её и ещё одну преподавательницу уволили из школы за «недостойное поведение».

Потом была Елена Дмитриевна, преподаватель литературы и русского языка. Она ходила в коротком, вызывающе ярком красном пальто. От неё Семёнов узнал о существовании Хемингуэя, Гумилёва и Пастернака. Когда Елена

Дмитриевна читала: «Послушай: далеко, далеко, на озере Чад изысканный бродит жираф», — она так таинственно улыбалась, что было понятно: этот «жираф» бродит где-то совсем рядом с ней, и Семёнов позорно сдался.

А потом была Валя. Они сидели за первой партой. Семёнов собирался на ней жениться, после того как все варианты с учительницами отпали. Валя любила спорить. Причём просто так, на ровном, как говорится, месте.

Как-то сказала:

— Ну что это за фамилия — Семёнов?

— Обычная фамилия, — удивился Семёнов.

— Вот именно! — коварно обрадовалась она. — У нас половина посёлка Семёновых! А хорошая фамилия должна быть звучной, особенной!

— Ну, например? — поинтересовался Семёнов.

Валя на секунду задумалась:

— Фарятьев!

Семёнов брякнулся на диван и забился от смеха в истерике.

— Дурак ты, Семёнов, — сказала Валя, — и фамилия твоя дурацкая. А Фарятьев — это просто волшебная фамилия, какая-то бархатная, прямо погладить хочется такую фамилию.

Семёнов произвольно погладил пальцем фамилию автора на обложке. «Волшебная фамилия», — усмехнулся он и поднял глаза на вошедшую в купе женщину.

— Молодой человек, не поможете? — сказала она.

Семёнов снял с верхней полки матрац и снова уткнулся в книжку.

«Места эти очень красивые. Посёлок стоял на берегу залива, в который леспромхоз сбрасывал лес для сплава. С брёвен отваливалась кора, и рыба крутилась под ними, как в аквариуме. Летом солнце почти не садилось за горизонт, и можно было увидеть, как фыркающие тюлени гонят сверкающий под светом луны косяк сходящей от страха с ума селёдки.

Гигантские отливы оставляли в лужах зазевавшуюся мелкую камбалёшку, и лодки казались животными, выбросившимися на берег из холодной воды...»

— Ваша постель... — вошедшая в купе проводница положила бельё на полку. — Чай будете?

— Да, спасибо, — ответила женщина.

— И мне, если можно, — сказал Семёнов, выныривая из описаний прибрежной местности.

Поезд уже набирал скорость, Чупа откатилась назад и скрылась за лесом, как будто её и не было. Семёнов вдруг вспомнил, как они с Валькой подглядывали за старшеклассниками. В раздевалке, в углу под разбитой лампой, целовались девчонка с парнем. Она забросила ногу ему на бедро, как будто старалась залезть повыше, а парень шепнул ей в ухо:

— Малявки подсматривают!

Семёнов услышал, смутился. Шли домой под оранжево-тусклыми фонарями.

— Современные подростки совсем распоясались... — попытался шутить Семёнов, но шутка не удалась, повисла сосулькой в морозном воздухе.

Новая соседка рассматривала Семёнова, как будто собиралась о чем-то спросить. Семёнов сначала закрылся книжкой, потом не выдержал, сам спросил:

— Что?

Она фыркнула и снова уставилась в окно. А Семёнов зарылся в книгу.

Плана у него тогда не было. Ну какой план? Семёнов уже год проучился в Питере, у него за плечами, как крылья, росли Эрмитаж и Ростральные колонны, БДТ и театр им. В.Ф. Комиссаржевской. Просто сказать: «Ай лав ю, беби!» — и всё.

— Идиот... — обозвал сам себя Семёнов, но плана всё равно не было...

Тётя Маша открыла дверь.

— Валька, иди-ка посмотри, кто пришёл! — радостно закричала она.

А Валька уже стояла в прихожей, молча рассматривая Семёнова.

— Ты чего не растёшь-то, Серёжка? — тётя Маша потрепала Семёнова по коротко стриженной голове. — Вот, погляди на дылду! — Она повернулась к победно ухмылявшейся Вальке. — Всё малявка-малявка, а тут раз — и меня переросла. Ну, проходи, не стой в дверях-то.

Смущённый Семёнов прошёл мимо «дылды» в комнату.

— Рассказывай, чего там у вас в Москве читают? — тараторила Валькина мама.

— В Питере, — поправил её ещё не до конца пришедший в себя Семёнов.

— Ну, в Питере... — не споря, согласилась она.

— Не знаю, чего они там читают, — попытался улыбнуться Семёнов, — а у меня на первом месте Гегель, на втором — Гегель, и на третьем опять Гегель. Я сейчас «Науку логики» конспектирую... — Семёнов опять воодушевился и уже собирался начать рассказ о единстве и борьбе противоположностей.

— Ты бы повлиял на неё, Сергей, — заткнула философский фонтан Семёнова тётя Маша. — Ну, посмотри, вырасти выросла, а ума как не было, так и нет. Посуду она в столовой моет — ну как так? Перед людьми стыдно. Теперь вот в Крым собралась, к подруге. Какая у неё там подруга?!

Тётя Маша смотрела на Семёнова, ожидая сочувствия. Семёнов молчал.

— Врёт она всё! — появилась в дверях Варвара, младшая Валькина сестра.

Семёнов приветственно помахал ей рукой.

— А ты не подслушивай! — прикрикнула на неё тётя Маша и тут же без остановки продолжила: — А мы вот тоже собираемся в Москву переехать...

Семёнов удивлённо посмотрел на неё.

— Да... — тётя Маша покачала утвердительно головой. — Сестра пишет, зовёт к себе...

Семёнов взглянул на Вальку, та закатила глаза и покрутила у виска пальцем.

— Ладно, дети, я побежала, обед заканчивается. — Тётя Маша засуетилась, как курица, охлопала себя по бокам. — А ты, Валька, по-

корми мальчика. Смотри, какой худенький. Не ест ничего там, в своей Москве, — говорила уже в прихожей.

— Покормить, что ли? — наконец-то открыла рот Валька.

Семёнов опять смутился, покачал головой.

— Как тут у вас, что новенького? — выдавил из себя.

— Новенькое — это у вас в Москве, а у нас всё старенькое, — она просто издевалась над ним.

Земля, как подводная лодка, уходила из-под ног капитана Семёнова. Ещё немного — и фуражка закачается на холодных волнах, а высокая и совсем незнакомая Валька стояла как памятник, прислонившись спиной к стене, и молчала.

— Иди-ка сюда, — вдруг сказала она.

Семёнов послушался.

Она обхватила его руками и притянула к себе:

— Помнишь, как целовались в десятом?

— Помню, — сказал Семёнов, уткнувшись глазами куда-то в Валькину грудь. — Выходи за меня замуж!

Она рассмеялась и чмокнула Семёнова в лоб:

— Извини, но ты слишком маленький стал, Семёнов.

Семёнов вырвался и чуть не сбил застывшую с открытым ртом в дверях Варьку.

— Не слушайте её! — Варя пыталась остановить убегающего Семёнова. — Она хорошая! Она вам врёт всё!

Но Семёнов уже лежал на диване, смотрел в потолок: там рушились Эрмитаж и Ростральные колонны, тонули в Неве БДТ и театр им. В.Ф. Комиссаржевской...

Кто-то позвонил в дверь. Валя теперь была в туфлях и от этого казалась ещё выше. Настоящая взрослая женщина.

Она протянула ему презерватив:

— Подержи...

Потом присела и взвалила Семёнова себе на плечо.

— Какой-то ты лёгонький... — сказала, волоча его в комнату. — Не ешь ничего там, в своей Москве...

Потом Семёнов ревел в постели у неё на груди.

— Ну, хватит рыдать, Семёнов, ты же теперь мужчина, — сказала она, сталкивая его с себя. — Варьке скажи спасибо, — добавила, натягивая трусы.

И ушла.

«А может, я будущий писатель?! — наверное, должен был бы сказать ей Семёнов. — Ты просто ещё не знаешь!»

«Да всё я знаю про тебя, Семёнов, — наверное, ответила бы она. — Ты будешь бухгалтером в леспромхозе. Найдёшь себе толстую коротышку. Будешь с ней чай пить да смотреть по вечерам телевизор».

В общем, Семёнов так ничего и не сказал, и Валька...

«...Ушла на длинных вихляющихся ногах, прекрасная и недоступная, как Джомолунгма», — Семёнов два раза перечитал эту строчку.

Больше он её никогда не видел.

Потом была армия, потом он женился, а потом и родители Семёнова переехали в большой город. И он совсем бы забыл про эту историю, если бы не катался в командировку туда-сюда по несколько раз за год.

Семёнов отложил книгу в сторону и посмотрел на тянущийся за окном бесконечный зелёный лес. Постукивали на стыках вагоны, Лу Марсианин всё ещё мчался куда-то на троечке в соседнем купе.

— Враньё это всё, — сказала случайная попутчица Семёнова.

— Что — враньё? — очнулся Семёнов.

— Да всё, — она пощёлкала ногтем по книжке Семёнова. — Обидели маленького, ага... — она начала закипать, как вода в электрическом чайнике. — Да я ему жизнь спасла! Торчал бы сейчас в этой дыре... А так... вон какой бугай вымахал! — качнула она подбородком, направив всю злость прямо в лицо Семёнову.

Семёнов ошеломлённо смотрел на сидевшую напротив него незнакомую женщину.

— Чего уставился? Думаешь, не узнала тебя?! — добавила она раздражённо и отвернулась к окну.

— Вы что, серьёзно? Вас Валя зовут? — спросил Семёнов, пытаясь прийти в себя.

— Валя, Валя... Тридцать пять лет уже Валя! — огрызнулась попутчица. Подхватив постельное бельё, она выскочила из купе, чуть не сбив с ног входящую проводницу.

— Чего у вас тут?! — хозяйка вагона протиснулась в дверь, звеня подстаканниками.

— Да вот... — Семёнов повертел в руках книжку и проснулся, поёживаясь.

Ветер с реки усилился, заходящее за адмиралтейские краны солнце окрасило дома по Садовой в золотисто-розовый цвет. Очередной трамвай с бодрым звонком подкатывал к остановке.

— ...Что у вас случилось опять? — повторила свой вопрос Валька, присаживаясь рядом с Семёновым на скамейку. — Варвара сказала, что ты три дня с ней не разговариваешь. Что пишешь опять про меня. Что совсем сходишь с ума. Что тебя спасать надо, — продолжала она, разглядывая нахохлившегося, как воробей, пару часов уже просидевшего на остановке у её дома Семёнова.

Семёнов не отвечал. Он смотрел на трамвай с раскрытыми, словно китовая пасть, дверями, заглядывающими очередной косяк пассажиров.

— Ну что ты молчишь, Семёнов? Ты и со мной теперь не будешь разговаривать? Скажи

что-нибудь. Когда всё это уже закончится? — продолжила свой допрос Валька.

Семёнов снова поёжился, ещё глубже втянул голову в плечи.

— Когда ты уже наконец подрастёшь, Семёнов? — Валька наткнулась на затравленный, злой взгляд Семёнова и тут же поправилась: — Да не в этом я смысле...

— Ладно, что с тобой разговаривать... С Варенькой помирись. Любит она тебя, дурака. И перестань фантазировать. Не было у нас с тобой ничего.

Она поднялась со скамейки.

— Пока, — сказала, мотнув головой, и ушла «на длинных вихляющих ногах, прекрасная и недоступная, как Джомолунгма», — вспомнил Семёнов из своего рассказа.

— И не ходи сюда больше! — крикнула, оглянувшись.

Семёнов не расслышал из-за шума очередного двинувшегося от остановки трамвая. Закричал:

— Что?! Что ты сказала?

— Одевайся теплее! — ещё раз крикнула Валька уже с другой стороны перехода, дождавшись, когда трамвай проедет. — Сентябрь уже. Холодно...

Сергей Викторович ВАРАКСИН

родился в 1957 году в поселке Чупа (Карелия).

Окончил Ленинградскую лесотехническую академию.

Фотограф, член Союза фотохудожников России.

Пишет прозу. Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Южная звезда», «Дружба народов», «Наш современник»,

«Невский проспект», «Москва», «Сибирские огни».

Финалист премии журнала «Нева», лауреат

литературных конкурсов «Перекрёсток»

и «Согласование времён».

Живет в Петрозаводске.

